

УДК 81.42

DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24

СИТУАЦИОННОСТЬ КАК ОСНОВА КОГЕРЕНТНОСТИ ТЕКСТА

Глазков А. В.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить, что семантическая категория ситуационности лежит в основе когерентности как категории текстuality.

Процедура и методы. Рассмотрены возможные подходы к понятию ситуации, и соотнесены понятия ситуации и когерентности. Использованы методы лингвистического анализа текста и теоретико-множественный подход.

Результаты. Доказано, что ситуационность лежит в основе когерентности текста.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в разработку теории текстuality и представляет алгоритм для ситуационного анализа текста.

Ключевые слова: когерентность, лингвистика текста, ситуация, ситуационность, ситуационная семантика, текст

SITUATIONALITY AS A BASIS OF TEXT COHERENCE

A. Glazkov

*Russian Academy of National Economics and Public Administration
prosp. Vernadskogo 82, Moscow 119571, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the paper is to establish that the situationality as a category of the semantics underlines the coherence as a category of textuality.

Methodology. The paper considers different approaches to the notion of situation and the relationship between the notions of situationality and coherence. The methods of linguistic text analysis and the set-theoretical approach are used.

Results. It is proven that situationality underlines the coherence.

Research implications. The results of the study contribute to the textuality theory and offer an algorithm for a situational analysis of a text.

Keywords: coherence, text linguistics, situation, situationality, situational semantics, text

Введение

Основную проблему лингвистического описания когерентности можно сформулировать так: все знают, что когерентность существует, но как формализовать её описание? Часто повторяемое определение, согласно которому когерентность – это отражение внутренней цельности текста, ни к чему не приводит: неясно, как исследовать эту внутреннюю цельность, из чего она складывается. На наш взгляд, путь к ответу на этот вопрос был дан в замечательной книге Л. Н. Мурзина и А. С. Штерн «Текст и его восприятие», где авторы связали текстовую категорию когерентности с более широкой категорией ситуационности. Авторы высказали идею, что цельность текста надо искать не в самом тексте, а во внетекстовой действительности, но на конкретный текст оказывает воздействие не действительность во всём её объёме, а какая-то её часть, ситуация.

На этом основании они предложили говорить о ситуативности как о свойстве текста – связи текста с внетекстовой ситуацией. Обсуждая понятие ситуации в лингвистике текста, Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн высказали мнение, что «морфема, слово, словосочетание или даже предложение сами по себе, как некоторые отвлечённые единицы, лишены ситуативности и приобретают её только в тексте, через посредство текста, можно сказать, заимствуют её из текста» [6, с. 13]. Авторы определили ситуационность как соотносённость с ситуацией, но (как, впрочем, и многие другие лингвисты), к сожалению, оставили без определения сам термин «ситуация». При таком раскладе не представляется возможным согласиться или не согласиться с этим положением. Остался без рассмотрения и вопрос, как же связываются между собой ситуационность и когерентность, однако, как нам кажется, он является ключевым для решения проблемы формализации когерентности. В настоящем исследовании мы ставим перед собой цель показать, как нам видится соотношение категорий когерентности и ситуационности в теории текста. Для этого мы вначале рассмотрим отдельно каждую из этих категорий, а затем покажем, каким образом они взаимодействуют в когерентном пространстве текста.

Текстуальность и её категории

Предваряя разговор о когерентности, выскажем существенное положение: когерентность является не категорией текста, а категорией текстуальности.

Проблема описания текста заключается в том, что текст не имеет специфических формальных средств, позволяющих утверждать, что данная цепочка предложений обладает свойствами текста. Более того, даже единицы текста неспецифичны. Попытки увидеть какую-то чёткую единицу текста не увенчиваются успехом: нет строгих принципов, которые позволили бы однозначно разделить текст на СФЕ или на лексии. Структурирование сюжета тоже приводит к выделению композиционных

единиц, не обладающих строгими границами. Структура нарратива, разработанная У. Лабовом [16], оказывается сравнительно чёткой только у небольших текстов, устных рассказов о значимом для автора событии.

Отсутствие специфических единиц не даёт возможностей исследователю разработать систему категорий, опираясь на форму, как это имеет место, например, в грамматике. Следствием становится то, что в лингвистике текста, во-первых, нет единого инвентаря категорий текстуальности, а во-вторых, нет единого понимания стандартно выделяемых категорий.

Справедливо возникает вопрос: что следует понимать под категорией в лингвистике текста?

В качестве блестящего примера логичного выделения категории можно обратиться к классическому труду М. Халлидэя и Р. Хасан «Когезия в английском языке» [15]. Авторы выделяют всего одну ключевую категорию когезии, но вписывают её в систему. Логическое основание для системы получает название текстуры. Под текстурой авторы понимают свойство бытия текстом и противопоставляют её структуре, характерной для синтаксических конструкций. Когезия рассматривается как семантическая категория, устанавливающая семантические отношения между составляющими текста. Обратим внимание, что на этом этапе нет никаких средств выражения. Они обнаружатся на следующей ступени, которую авторы называют термином *связь* (*tie*). При этом средства выражения – связи – становятся таковыми не вообще, а в тех случаях, когда это необходимо, когда когезия «заставляет» их стать средствами связи. Необязательность же продиктована текстурой как спецификой текста, в то время как структура, специфическое свойство предложения, требует обязательности. Таким образом, выстраивается система, где существуют цель (в данном случае – текстура) и инструменты (связь), а между ними находится единица управления (категория, здесь – когезия), которая приводит в действие инструменты для достижения цели.

Вполне удачный термин *текстура* не прижился в лингвистике текста. На его замену пришёл термин *текстуальность* (видимо, потому что доминирует в лингвистике текста немецкая наука, где принят термин *Tekstualität*). Обзор разных подходов к понятиям текстуры и текстуальности представлен в статье Т. Н. Федуленковой [10].

Введение в научный обиход термина *текстуальность* обычно связывают с классической работой Р.-А. де Богранда и В. Дресслера «Введение в лингвистику текста» [13]. Собственно, вся работа представляет собой обзор текстуальности, в котором авторы выделили 7 категорий, названных термином *Kategorien* в немецкой версии и *standards* в английской версии книги. Точного определения понятия *текстуальность* в работе нет, но оно очень чётко выделяется логически: это то, без чего текст не может существовать; текст невозможен, пишут авторы, если отсутствует хотя бы один из критериев. Представленная классификация является на сегодняшний день одной из самых известных в лингвистике текста. При всей чёткости выделения критериев классификации не хватает привязки критериев к тому или иному аспекту текста. Очевидно, что когезия ориентирована на текст как замкнутую структуру, а интертекстуальность – на текст как высказывание в системе текстов. Об этом в работе сказано, но сами критерии никак не структурированы.

Иначе подошёл к проблеме К. Бринкер. Задачей лингвистики текста он назвал систематическое описание условий и правил «текстовой конституции» (*Textkonstitution*), необходимых для обеспечения восприятия текста [14, р. 9]. Эта текстовая конституция и представляет собой текстуальность. В ней выделены три аспекта анализа: структура, функция и жанры текста. Категориями соответственно являются когерентность, система прагматических функций и система жанров.

И. Р. Гальперин не использовал специального термина для обозначения объединяющего понятия всех текстовых категорий. Его подход к выделению категорий текста

несколько отличается от представленных выше. Категория в его трактовке близка к трактовке этого термина в грамматике, где грамматическая категория необходимо находит своё отражение в грамматической форме. Такой подход подразумевает значительный удельный вес формы и позволяет автору утверждать: «Рассматривая категории текста как грамматические, приходится, однако, признать, что не все они присущи любому тексту и не всегда осознаются как наличествующие даже там, где они обязательны» [1, с. 22–23]. Анализ таких категорий должен быть исключительно «снизу вверх» – от формы к характеристике категории.

Мы предлагаем использовать другую модель. Вершинную позицию в этой модели занимают свойства текста – очевидные признаки, имманентно присущие тексту. Следующий уровень занимают категории текстуальности. Поскольку они имеют статус категорий, они не могут присутствовать в большей или меньшей степени. Это система управления всем текстом. Но поскольку они абстрактны, они связаны с языковым выражением и управляют прежде всего этой системой, занимающей более низкое положение в модели. На наш взгляд, исходить при анализе текста из языкового выражения нельзя потому, что любая языковая единица в предложении не является непосредственно единицей текста. Чтобы функционировать в тексте, ей нужны особые условия, которые задаются категориями текстуальности. Поскольку текст не имеет собственной системы выражения, он использует языковые единицы, наделяет их особыми функциями, но только тогда, когда начинают действовать механизмы текста, а они определяются текстовыми категориями. Мы полагаем, что любая категория текстуальности – это не категория-ответ, а категория-вопрос. Она требует от автора и читателя ответа, как она действует на данном участке текста. Это утверждение вполне согласуется с указанием на роль категорий текстуальности в концепции Р.-А. Богранда и В. Дресслера: отсутствие хотя бы одной категории фатально для текста, он должен характеризоваться исключительно наличием всех категорий.

Когерентность

Когерентность занимает особое положение в ряду категорий текстуальности, т. к. она, если можно так сказать, максимально семантична и меньше всего привязана к языковым средствам, а поэтому формализация когерентности – трудно решаемая проблема.

Обычно когерентность определяется как категория, обеспечивающая цельность текста. Очевидно, что приравнять цельность к когерентности нельзя, поскольку первая – это свойство текста, а вторая – категория, в которой реализуется названное свойство (см. подробнее нашу статью [4]).

Анализируя разные подходы к проблеме текстуальности в целом и когерентности в частности, В. Е. Чернявская указывает, что современный подход к анализу текста является когнитивно-дискурсивным, и полагает, что «когерентность не статичное, раз и навсегда данное качество текста, но когнитивный процесс, в котором интерпретирующему субъекту, реципиенту принадлежит активная роль в раскрытии текстового (коммуникативного) назначения» [11, с. 310]. Автор текста при этом выступает как фигура, стимулирующая указанные процессы. Такой подход к когерентности следует признать адекватным, поскольку он связывает её с проблемой интерпретации текста. Интерпретирующим субъектом при этом следует считать не только читателя, но и автора текста, который задаёт некоторую интерпретацию, с которой совпадёт или не совпадёт интерпретация читателя. Однако динамический подход к текстуальности не отменяет статического подхода: интерпретация никогда не является интерпретацией вообще, она представляет собой интерпретацию чего-либо. Следовательно, для динамического процесса необходимо существование некоторых статических отношений, лежащих в основе интерпретации.

Какие единицы связываются когерентными отношениями? В общем виде проблема выглядит так. Пусть даны две единицы X и Y . Обозначим когерентность через K° . Тогда выражение $X K^\circ Y$ будет означать,

что единицы X и Y когерентны. Что это значит? Пусть существует некоторое множество T . Будем говорить, что X и Y когерентны в T , если имеются некоторые условия, позволяющие X и Y непротиворечиво сосуществовать в T . Эти условия и будут когерентностью между X и Y .

Если мы скажем, что текст когерентен вообще, такое утверждение не решит проблемы в принципе, т. к. как из него будет следовать, что любое изучение текста – это изучение его когерентности, а значит, быть текстом и быть когерентным – это одно и то же. К тому же такое решение не будет исключать поиска в системе текста таких минимальных единиц, между которыми возникают отношения когерентности.

Как писал Ф. Соссюр, в языке нет ничего, кроме отношений [8]. Отношения могут быть выражены только двумя способами: либо между означающим и означаемым внутри языковой единицы, либо между языковыми единицами – и третьего не дано. Поскольку в языке отсутствуют специфические средства для выражения отношений в тексте, любой вид отношений должен обнаруживаться из системы каких-то единиц, входящих в текст. Для любого вида отношений должна существовать минимальная пара единиц, между которыми эти отношения формируются. Это справедливо и для текстовых категорий, в том числе для когерентности. Такими единицами могли бы быть сверхфразовое единство или сложное синтаксическое целое, однако если их признать минимальными единицами, между которыми возникает когерентность, то все входящие в них единицы окажутся вне когерентности, что странно. Когерентность нельзя будет установить между предложениями. Кроме того, все составляющие сверхфразового единства или сложного синтаксического целого контактны, тогда когерентность не удастся установить у неконтактных единиц.

Из сказанного следует, что претендентами на минимальные единицы, между которыми возникают отношения когерентности, оказываются предложения и

пропозиции. На наш взгляд, допустимы оба решения, но если рассмотреть в качестве элемента пропозицию, то пространство когерентности окажется чрезвычайно обширным, захватит все полипропозитивные предложения и тексты, тем самым не будет возможным рассмотреть когерентность как категорию текстуальности (если использовать терминологию М. Халлидея и Р. Хасан, возникнет исследовательский конфликт между текстурой и структурой). Поэтому мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой отношения когерентности возникают между предложениями, а минимальной единицей когерентности является пара предложений. Тогда мы можем дать такое определение когерентности: *Когерентность как категория текстуальности устанавливает, что выраженные в предложениях значения взаимно непротиворечивы.*

Данное определение требует двух уточнений. Во-первых, что должно пониматься под взаимной непротиворечивостью, а во-вторых, как она исчисляется. На уровне очевидного взаимная непротиворечивость есть ощущение того, что два предложения могут сосуществовать и формировать цепочку, т. е. последовательность предложений. Покажем это на простом примере. Пусть мы имеем две пары предложений.

(1) Анна пошла на каток. Анна вернулась со сломанной ногой.

(2) Анна пошла к другу. Анна вернулась со сломанной ногой.

Очевидно, что семантическая непротиворечивость между предложениями в паре гораздо выше в примере (1), чем в примере (2). Действительно, сломать ногу на катке представляется вполне вероятным событием, в то время как поход к другу гораздо менее травмоопасен, а поэтому требуется разъяснение (или предположение), как это могло случиться. Представим это в другой форме. Между предложениями пары (1) можно разместить предложение типа *На катке можно получить травму*. В рамках текста оно избыточно, поскольку содержит тривиальную информацию, легко восстанавливаемую из отношений между пред-

ложениями. Эти отношения носят прагматический характер, если понимать под объектом прагматики не выраженные напрямую значения. Назовём предложения, подтверждающие когерентность двух данных предложений, *прагматическим дополнением*. Обозначим его знаком $\tilde{N}$ и запишем: $K^\circ (\tilde{N}: P_1, P_2)$. Будем читать: Предложения P_1 и P_2 когерентны при условии прагматического дополнения $\tilde{N}$. Формулу можно расширить, записав так: $K^\circ (\tilde{N}: P_1, \dots, P_n)$, что будет означать: цепочка предложений от P_1 до P_n когерентна при условии данного прагматического дополнения. Собственно говоря, эту запись вполне можно считать формулой когерентности любых цепочек предложений вплоть до текста.

Пример (2) в таком случае отличается от примера (1) тем, что в нём не удаётся выделить столь же просто прагматическое дополнение, лишаящее предложения противоречивости. Это подтверждает идею, что прагматическое дополнение обеспечивает когерентность пары предложений.

Прагматическое дополнение

Вводя термин *прагматическое дополнение* для обозначения невыраженного значения, необходимого для обеспечения когерентности предложений, мы апеллируем к понятию *free pragmatic enrichment* (*свободное прагматическое обогащение*), используемому прежде всего в прагматике условий истинности. Ф. Реканати определил его как процесс, благодаря которому в передаваемое сообщение включаются все подразумеваемые в контексте элементы, не являющиеся частью буквального значения высказывания [18, p. 67]. Из определения следует, что свободное прагматическое обогащение приводит к модификации смысла высказывания (именно так оно и рассматривается в прагматике, см. [17; 19]). Вводимое нами понятие *прагматическое дополнение* близко, но не тождественно прагматическому обогащению.

Прагматическое обогащение относится к числу невыраженных составляющих (*unarticulated constituent*). Приведа обзор

разных трактовок этого понятия, Я. Хуан определил невыраженную составляющую как семантически релевантный, но лингвистически не выраженный компонент значения [20, р. 4]. Выделенное нами прагматическое дополнение также относится к невыраженным составляющим, но входит оно в систему значения не предложения, а текста. Прагматическое дополнение возникает при сопоставлении двух или более предложений и представляет собой ответ на вопрос о когерентности: если такой ответ (прагматическое дополнение) находится, предложения воспринимаются как когерентные, если нет – предложения воспринимаются как некогерентные, между ними возникает когерентный конфликт, требующий разрешения, например, в виде расширения зоны текста, на которой устанавливается когерентность.

Связи между предложениями оказываются более или менее тесными. Это позволило П. Пейджиу связать когерентность с прагматическими процессами и получить пятичленную шкалу:

- 0) нулевая когерентность (vacuity);
- 1) когерентность на основе смежности;
- 2) когерентность на основе подобия;
- 3) возможность;
- 4) необходимость [17, р. 70].

Нулевой уровень демонстрирует отсутствие когерентности. Его можно увидеть на следующем примере

(3) *Анна сломала ногу. Я люблю сливы.*

Нет никаких оснований, чтобы отнести предложения к одному когерентному пространству. Они могут входить в один текст, но могут принадлежать и разным текстам. Они могут находиться в контакте или быть расположенными дистантно. Их соединение некогерентно.

Второй уровень подразумевает, что когерентность создаётся, если между предложениями будут возникать отношения близко к (*close to*):

(4) *Стол завален книгами. Кот лежит в кресле.*

Третий уровень, подобие, иллюстрируется обычно параллельными структурами, как в следующем примере.

(5) *Троицкая башня имеет высоту 80 метров. Кутафья башня имеет высоту 13,5 метров.*

Два следующих уровня иллюстрируют наиболее сильные когерентные связи предложений. Под возможной когерентностью понимаются такие отношения между входящими в цепочку предложениями, когда названные в одном предложении факт или положение вещей обусловлены другими, названными в другом предложении.

(6) *Иван хотел заглянуть в окно. Он взобрался на деревянную лестницу.*

В следующем примере, также иллюстрирующем необходимую когерентность, между предложениями возникают мотивационные отношения.

(7) *Убил дворецкий. Это мог сделать и садовник, но садовник разговаривал по телефону.*

В данном случае второе предложение сообщает мотив умозаключения, сделанного в первом.

Если применить к классификации П. Пейджиа понятие прагматического дополнения, следует сказать, что разные уровни когерентности различаются большей или меньшей уверенностью в использовании определённого прагматического дополнения. Приведённая шкала, на наш взгляд, не содержит ответа на вопрос, за счёт чего когерентность создаётся, шкалируется или отсутствует. Она содержит некий количественный показатель, но нуждается во введении некоего качественного параметра. Мы полагаем, что этим параметром может быть ситуационность.

Ситуационность

Термин *ситуация* активно используется и в лингвистике, и во многих других гуманитарных науках. Мы будем в нашей статье следовать ситуационной семантике (исчерпывающий обзор ситуационной семантики можно найти в статье [5]). Следуя за создателями ситуационной семантики Дж. Бервайсом и Дж. Перри [12], определим ситуацию как *систему отношений между объектами в определённое время и*

в определённом месте в рамках одной модальности. Данное определение шире, чем рассмотрение ситуации как системы выраженных глаголом отношений между его актантами и сирконстантами (см. [7; 9]), и позволяет рассматривать в рамках одной ситуации неограниченное множество отношений неограниченного множества объектов. Такой подход к ситуации в большей степени применим для анализа текста. Формула ситуации будет выглядеть следующим образом:

$$C = \langle \langle \mathfrak{R}; \Delta O; \Delta t; M \rangle \rangle,$$

где $\mathfrak{R}$ – система отношений,

O – множество объектов,

t – место,

t – время,

M – модальность,

а знак Δ показывает, что данные множества могут изменяться.

Если изменений нет, мы имеем дело с положением вещей; если изменения есть, мы получаем то, что Дж. Барвайс и Дж. Перри назвали ходом событий. Поскольку Δ может принимать разные значения, ситуация может изменяться и будет справедливо, что данная ситуация будет частью другой ситуации. Тогда запишем, что

$$\forall C_1 \exists C_2: C_1 \subset C_2,$$

т. е. для любой ситуации C_1 найдётся такая ситуация C_2 , что C_1 лежит в C_2 .

Очевидно, что если $C_1 \subset C_2$ и $C_2 \subset C_1$, то $C_1 = C_2$, т. е. любая ситуация лежит в самой себе.

Выделенные положения крайне существенны для понимания того, как ситуационность связана с когерентностью.

Ситуация в реальности отличается от её текстовой репрезентации. Единственной текстовой репрезентации ситуации быть не может, поскольку репрезентация определяется рядом факторов, связанным с категориями автора и получателя сообщения (читателя, если речь идёт о тексте). Мы предлагаем систему задач по созданию текстовой репрезентации ситуации и саму итоговую репрезентацию назвать термином *ситуационный кейс* (СК). Формально

ситуационный кейс отличается от ситуации следующим (при условии, что СК представляет одну данную ситуацию):

1) количеством объектов;

2) выделенной системой отношений;

3) включением несуществующих объектов или отношений между ними и использованием модальности как параметра.

Для иллюстрации возьмём короткий текст.

(8) /1/ Городище на озере Бискупин в Польше. /2/ В поселение вела единственная дорога по дамбе, соединяющей Бискупин с берегом озера. /3/ Все постройки опирались на свайные фундаменты, вбитые в дно озера. /4/ Крепостные стены были сложной, ярусной конструкции и имели укрепленный вход. /5/ Мостовые, как и стены жилищ, выполнены из дерева, обмазанного глиной. /6/ В концах проулков располагались ремесленные мастерские (кузница, литейная, косторезная и гончарные мастерские). /7/ Планировочная структура имела элементы городского поселения – границы, входную площадь, регулярную систему улиц. /8/ Однако отсутствие дифференцированной застройки и центральных зон показывает, что в общине было первобытное социальное и имущественное равенство¹.

Весь текст представляет собой видение древнего города «глазами» исследователя. Город сегодня не существует, поэтому сама ситуация есть продукт воображения. СК строится исходя из очевидной задачи автора дать краткое описание возможного устройства ископаемого города. Текст содержит информацию об улицах вообще (предложение /7/), жилищах вообще (предложение /5/), зато мастерские разделены на виды (предложение /6/). Мы предложили ввести термин *размерность* для определения степени покрытия ситуации текстом (см. [2; 3, с. 253–264]. Можно было бы написать текст в другой размерности: например, в следующем тексте о том же са-

¹ Лучкова В. И. Лекционный курс: история градостроительства доиндустриального периода [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/media/filer_public/a0/7c/a07cec34-4e2e-458f-b5c0-f0d99bc142f7/07.pdf (дата обращения: 20.10.2021).

мом городе названо число улиц и домов и указано на принцип расположения домов:

(9) *Городище имело около 11 улиц шириной в 2,5 метра и 106 домов, которые стояли вплотную друг к другу*¹.

Различие между (9) и соответствующими фрагментами (8) состоит в том, что ситуация в них представлена одна и та же, но ситуационные кейсы выполнены по-разному: это касается выделения объектов и отношений между выделенными объектами.

Предложение /8/ содержит информацию о том, чего нет в описанной ситуации, зато об этом можно сказать в тексте. СК позволяет сравнить данную ситуацию с другими подобными и на основании сравнения представить то, что могло бы быть фактом в данной ситуации, но таковым не является. Это вводит в СК новую модальность, в то время как ситуация всегда имеет единственную модальность.

Ситуационность и когерентность

Ситуация как часть реальности сама по себе не когерентна: для неё когерентность просто нерелевантна. Когерентность возникает на этапе создания ситуационного кейса, итогом которого должен стать текст, немислимый вне категории когерентности. Обратимся к тексту (8), рассмотрим цепочку предложений /1 – 3/.

Пара предложений /1 – 2/ позволяет представить себе топографию местности, на которой находился город. *Быть на озере* может означать 'на берегу озера' или 'в озере, на поверхности озера'. Если речь идёт о городе, ожидается первое, однако предложение /2/ сообщает о дамбе, соединяющей город с берегом. Между предложениями возникает прагматическое дополнение <Город находился в озере>, иначе быть не может, т. к. по дамбе проходила единственная связующая дорога. Такое дополнение поддерживается ещё одним <Города могут стоять в воде>. Мы видим,

что два дополнения носят разный характер. Дадим этому объяснение.

Первое прагматическое дополнение возникает из представлений об актуальной ситуации – уникальном фрагменте реальности. В данном случае важнейшими объектами являются город, озеро, дорога и дамба. В задачу кейса входит так выстроить между ними систему отношений, чтобы читатель получил возможность создания в своём сознании непротиворечивого образа этой ситуации. Предложение /2/ содержит, кроме буквального значения, следствие <Другие дороги к городу не вели> (на это указывает слово *единственная*). На основании соединения смыслов предложений /1/ и /2/ читатель приходит к выводу, что город стоял в озере.

Второе прагматическое дополнение следует из ситуационного типа – знания о возможных ситуациях. Это дополнение имеет когнитивную природу, оно должно соответствовать тривиальным представлениям о некоем инварианте представленной ситуации. Например, возможно предположить, что город построен на воде, поскольку подобные примеры известны, но невозможно предположить, что описываемый город находится в воздухе, так как в тривиальных представлениях таких возможностей у городов нет.

Таким образом, мы можем сказать, что предложения P_1 и P_2 когерентны, если найдётся такой ситуационный кейс, которому принадлежат эти предложения и все прагматические дополнения, связывающие их. Если мы расширим количество предложений до некоего числа n , то скажем, что множество предложений Π когерентно, если для любой пары предложений P_a и P_b из множества Π найдётся достаточное количество прагматических дополнений, такое, что предложения и прагматические дополнения лежат в одном ситуационном кейсе.

Покажем это на примере текста (8). Возьмём для этого предложения /1/, /5/, /6/, /7/. Исходя из данного выше определения, мы можем брать любое множество предложений, лишь бы они входили в некое зара-

¹ Древнее городище Бискупин // В отпуск.ру: [сайт]. URL: https://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp?ID=16757 (дата обращения: 20.10.2021).

нее заданное множество. Как мы уже говорили, ситуация в тексте (8) – это внешний взгляд на город. Но город – это сложное понятие, поэтому каждое из предложений в тексте представляет собой более частные «взгляды» – на мостовые, дома, улицы. Соответственно, кейс создаётся так, чтобы каждая меньшая ситуация (субситуация) могла быть включена в большую. Если мы составим пары /1 – 5/, /1 – 6/, /1 – 7/, получим непротиворечивые предложения, где прагматические дополнения в общем виде можно представить так: <В городах так бывает>. Если мы составим цепочку /5 – 6 – 7/, в ней возникнет прагматическое дополнение <Речь идёт о городе>, а референтное употребление именных групп позволит судить, что не о городе вообще, а о конкретном городе, что и потребует включения в неё предложения /1/.

Вернёмся к классификации П. Пейджина и применим ситуационный критерий к каждому из представленных нами примеру, но выстроим обратную последовательность: от большей когерентности к меньшей.

Пара предложений (7) *Убил дворецкий. Это мог сделать и садовник, но садовник разговаривал по телефону* может быть истолкована следующим образом: первое предложение представляет собой ситуацию как минимум с двумя объектами, соответствующими актантам глагола *убить* (кто? – дворецкий; кого? – не назван). Второе предложение с анафорическим местоимением *это*, антецедентом которого является ситуация убийства, поскольку других претендентов нет, исключает садовника из этой самой ситуации. Другими словами, в нём создаётся ещё одна ситуация, но в другой модальности: если бы садовник не разговаривал по телефону, убийцей мог бы быть он. Формально можно представить так:

- $C_1 = \{\mathfrak{R}, \text{убить, (дворецкий, жертва), } t_1, l_1, M_1\}$
 $C_2 = \{\mathfrak{R}, \text{убить, (садовник, жертва), } t_1, l_1, M_2\}$
 $C_3 = \{\mathfrak{R}, \text{разговаривать, (садовник, телефон), } t_1, l_3, M_1\}$

Пара предложений оказывается когерентной, т. к. все три ситуации не противоречат друг другу. Ситуации C_1 и C_3 могут быть объединены в одну C_{1+3} на основании расширения места $l = l_1 + l_3$. Объединив модальности, можно объединить все три ситуации в одну, где истинно M_1 , а ложно M_2 .

Естественно, возникает вопрос о прагматическом дополнении. Выходит, что в данном случае ему не находится места. И это верно. Можно сказать, что прагматическое дополнение имеет вид <Очевидно, что>. В этом и заключается *суть необходимости*, как называет такой тип П. Пейджин.

В паре (6) *Иван хотел заглянуть в окно. Он взобрался на деревянную лестницу* первое предложение представляет собой намерение совершить действие, а второе – способ осуществления этого действия. Здесь прагматическое дополнение выбирается из множества типичных действий в данном ситуационном типе: <Повернуть голову>, <Взобраться на высокий объект>, <Взять бинокль>. В нашем примере выбирается второй вариант. Первое предложение формирует ситуацию, но не представляет её полностью, поэтому и возникает необходимость во втором предложении, отвечающем одному из вариантов ситуационного типа.

Когерентность в парах, которые П. Пейджин рассматривает как примеры подобия и смежности, возникает на основании возможности включения объектов в одно пространство-время, что можно в общем виде представить так:

- $C_1 = \{\mathfrak{R}, O_1, t, l, M\}$
 $C_2 = \{\mathfrak{R}, O_2, t, l, M\}$

Очевидно, что при таком раскладе C_1 и C_2 легко объединяются.

В паре (5) *Троицкая башня имеет высоту 80 метров. Кутафья башня имеет высоту 13,5 метров* предложения объединяют прагматические дополнения <Обе башни находятся в Московском кремле>, <Башни можно сопоставлять по высоте>. Средства когезии играют роль в создании когерент-

ных связей, однако не определяющую. Представим себе пару *Троицкая башня имеет высоту 80 метров. Гора Манарага имеет высоту 1662 метра*, где утратится подобие и сложнее будет установить когерентность между предложениями.

В паре (4) *Стол завален книгами. Кот лежит в кресле* когерентность не очевидна, т. к. прагматическим дополнением должно быть <Оба события происходят в одном месте и в одно время>, при этом никаких указаний на это в предложениях нет. Если такое предположение неверно, когерентность в паре установить не удастся.

Наконец, последний тип оказывается наиболее сложным для обнаружения прагматического дополнения. Можно представить себе, как указывает Пейджин, что Анна сломала ногу из-за того, что я люблю сливы, везде разбрасываю косточки, и на одной из таких косточек Анна поскользнулась и сломала себе ногу. Когерентность достигается путём допущения ситуации, предполагающей сосуществование двух названных предложений. При этом нет никаких веских оснований считать не только то, что данное допущение правильно, но и то, что оно вообще нужно. Такое допущение демонстрирует стремление читателя получить когерентную цепочку. Назовём это свойство *презумпцией когерентности*. Любые два предложения вначале рассматриваются как когерентные, и лишь при наличии оснований, убеждающих в отсутствии когерентности, они признаются не-когерентными.

Заключение

Итак, в основном в нашем исследовании мы остановились на когерентности пар предложений, хотя сказали, что когерентность есть основа текстуальности. Поскольку текстуальность – категория,

обеспечивающая существование текста и существующая до текста, она находит своё выражение уже в паре предложений, между которыми может существовать противоречивость, уничтожаемая за счёт введения прагматического дополнения. Текст, каким бы большим он ни был, строится на тех же основаниях, т. е. между любыми двумя предложениями текста должно существовать такое прагматическое дополнение, которое позволяло бы считать входящие в пару предложения когерентными. Однако это перспектива другого исследования, в котором следует не выявлять основания когерентности, чему посвящена настоящая работа, а показать, как когерентность функционирует на пространстве целого текста.

В качестве основания когерентности как категории текстуальности мы рассмотрели ситуационность, которую, как следует из нашего исследования, мы не отнесли к категориям текстуальности. Она оказывается более широкой семантической категорией и именно поэтому позволяет использовать себя в качестве фундамента когерентности текста. По сути, буквальный смысл предложений, их прагматические невыраженные составляющие и возникающее между предложениями прагматическое дополнение поверяются ситуационностью на непротиворечивость, итогом чего становится признание цепочки предложений когерентной или некогерентной. Определённый в конце нашего исследования принцип презумпции когерентности стимулирует читателя к поиску такой ситуации, которая позволила бы привести цепочку к состоянию когерентности. Собственно, этот механизм и обеспечивает свойство текста быть цельным.

Статья поступила в редакцию 27.10.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
2. Глазков А. В. Размерность и её функция в создании текста // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2013. № 2 (11). С. 26–33.
3. Глазков А. В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. М.: Де'Либри, 2018. 436 с.

4. Глазков А. В. К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста // Граница: сборник научных трудов проекта NOT ONLY: Теория и практика гуманитарных исследований / под ред. А. В. Глазкова, Е. А. Глазковой. М.: Филинъ, 2020. С. 17–30.
5. Моисеева А. Ю. Реляционный подход к значению и содержанию в ситуационной семантике // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2018. Т. 13. № 4 (182). С. 95–110.
6. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. 172 с.
7. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
8. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: сборник работ / пер. с фр. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
9. Хитров А. Н. Посессивная конструкция и семантика неучастия в ситуации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог–2005». М.: Наука, 2005. С. 345–350.
10. Федуленкова Т. Н. Текст – текстуальность – текстура // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2014. № 7. С. 35–37.
11. Чернявская В. Е. Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме: к вопросу о градуальном характере текстуальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2007. Т. 3. № 1. С. 303–314.
12. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford: CSLI Publications, 1999. 376 p.
13. Beaugrande R.-A., Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1981. 289 p.
14. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 s.
15. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976. 375 p.
16. Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia: Pennsylvania Press, 1972. 440 p.
17. Pagin P. Radical Interpretation and Pragmatic Enrichment // Argumenta. 2017. № 3 (1). P. 87–107.
18. Recanati F. Pragmatic Enrichment // Routledge Companion to Philosophy of Language. New York; London: Routledge, 2010. P. 67–78.
19. Xiaofei Wang. Quotation and Truth-Conditional Pragmatics. London; New York: Routledge, 2018. 186 p.
20. Yan Huang. Unarticulated Constituents and Neo-Gricean Pragmatics [Электронный ресурс] // Language and Linguistics. 2018. Vol. 19. Iss. 1. URL: <https://doi.org/10.1075/lali.00001.hua> (дата обращения: 20.10.2021).

REFERENCES

1. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 144 p.
2. Glazkov A. V. [Dimension and Its Function in the Creation of a Text]. In: *Vestnik Moskovskogo gosodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philological Education], 2013, no. 2 (11), pp. 26–33.
3. Glazkov A. V. *Iz real'nosti v tekst i obratno: ocherk pragmatiki narrativnogo teksta* [From Reality to Text and Back: An Essay on the Pragmatics of a Narrative Text]. Moscow, DeLibri Publ., 2018. 436 p.
4. Glazkov A. V. [On the Issue of Delimiting the Concepts of Linearity, Coherence and Integrity of a Text]. In: Glazkov A. V., Glazkova E. A., eds. *Granitsa: sbornik nauchnykh trudov proekta NOT ONLY: Teoriya i praktika gumanitarnykh issledovaniy* [Border: A Collection of Scientific Papers of the NOT ONLY Project: Theory and Practice of Humanitarian Research]. Moscow, Filin Publ., 2020, pp. 17–30.
5. Moiseeva A. Yu. [Relational Approach to Meaning and Content in Situational Semantics]. In: *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences], 2018, vol. 13, no. 4 (182), pp. 95–110.
6. Murzin L. N., Shtern A. S. *Tekst i ego vospriyatie* [Text and Its Perception]. Sverdlovsk, Ural University Publ., 1991. 172 p.
7. Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in the semantics of vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 608 p.

8. Saussure F. de. Cours de linguistique générale (Rus. ed.: Kholodovich A. A., transl. *Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p.).
9. Khitrov A. N. [Possessive Construction and Semantics of Non-participation in a Situation]. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: trudy Mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog-2005"* [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue-2005"]. Moscow, Nauka Publ., 2005, pp. 345–350.
10. Fedulenkova T. N. [Text – textuality – texture]. In: *Interpretatsiya teksta: lingvisticheskii, literaturovedcheskii i metodicheskii aspekty* [Text Interpretation: Linguistic, Literary and Methodological Aspects], 2014, no. 7, pp. 35–37.
11. Chernyavskaya V. E. [Text in the Cognitive-discursive Paradigm: On the Issue of the Gradual Nature of Textuality]. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii* [Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research], 2007, vol. 3, no. 1, pp. 303–314.
12. Barwise J., Perry J. Situations and Attitudes. Stanford, CSLI Publications, 1999. 376 p.
13. Beaugrande R.-A., Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1981. 289 p.
14. Brinker K., Cölfen H., Pappert S. Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 2018. 190 s.
15. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London, Longman, 1976. 375 p.
16. Labov W. Language in the Inner City. Philadelphia, Pennsylvania Press, 1972. 440 p.
17. Pagin P. Radical Interpretation and Pragmatic Enrichment. In: *Argumenta*, 2017, no. 3 (1), pp. 87–107.
18. Recanati F. Pragmatic Enrichment. In: *Routledge Companion to Philosophy of Language*. New York, London, Routledge Publ., 2010, pp. 67–78.
19. Xiaofei Wang. Quotation and Truth-Conditional Pragmatics. London, New York, Routledge Publ., 2018. 186 p.
20. Yan Huang. Unarticulated Constituents and Neo-Gricean Pragmatics. In: *Language and Linguistics*, 2018, vol. 19, iss. 1. Available at: <https://doi.org/10.1075/lali.00001.hua> (accessed: 20.10.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Глазков Алексей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики медиакоммуникаций Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey V. Glazkov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Theory and Practice of Media Communications, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economics and Public Administration;
e-mail: alexy.glazkow@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Глазков А. В. Ситуационность как основа когерентности текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 1. С. 13–24.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24

FOR CITATION

Glazkov A. V. Situationality as a Basis of Text Coherence. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2022, no. 1, pp. 13–24.
DOI: 10.18384/2310-7278-2022-1-13-24